

18+

Кикути Кан

Дело чести

Проза и эссе

Кикути Кан

Дело чести. Проза и эссе

«Издательские решения»

Кан К.

Дело чести. Проза и эссе / К. Кан — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-674163-8

В настоящем издании собраны произведения, наиболее полно раскрывающие многогранность таланта Кикичи Кана — от изящных психологических этюдов до полных драматизма социальных зарисовок. Читателю откроется мир, где самурайские идеалы сталкиваются с буржуазной реальностью, где ирония соседствует с трагедией, а за внешней простотой сюжета скрывается глубокая рефлексия о природе человеческих поступков. Впервые на русском.

ISBN 978-5-00-674163-8

© Кан К.

© Издательские решения

Содержание

Кикути Кан: на перекрестке традиции и модерна	6
Дело чести	7
Судья Вакасуги	9
Маска	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дело чести Проза и эссе

Кикути Кан

Переводчик Павел Соколов

© Кикути Кан, 2026

© Павел Соколов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0067-4163-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кикиути Кан: на перекрестке традиции и модерна

Имя Кикиути Кана (1888—1948) занимает особое место в японской литературе первой половины XX века. Писатель, драматург, критик и издатель, он стал одной из ключевых фигур эпохи, когда японская проза, сохраняя глубину классической эстетики, стремительно осваивала формы западного модернизма. Его творчество – это уникальный сплав японской повествовательной традиции и европейской литературной техники, психологической глубины и увлекательной фабулы, философских размышлений и зрелищности.

Кикиути Кан вошел в литературу как мастер короткой формы, умеющий на нескольких страницах создать законченный художественный мир. Его новеллы – будь то психологическая зарисовка «Судья Вакасуги, ироничная притча «Успех» или мрачноватая гротескная история «Разбойница» – демонстрируют виртуозное владение сюжетом и языком. В них ощутимо влияние как традиционного японского рассказа (например, эстетики «сёсэцу»), так и европейской новеллистики Чехова или Мопассана.

Особый интерес представляют эссеистические работы мастера, где он размышляет о природе японских шахмат («Сёги»), культурной идентичности в меняющемся мире и роли писателя в обществе. Будучи основателем журнала «Бунгэй сюндзю» и учредителем одной из самых престижных литературных премий Японии, он активно влиял на литературный процесс своего времени.

В настоящем издании собраны произведения, наиболее полно раскрывающие многогранность таланта Кикиути Кана – от изящных психологических этюдов до полных драматизма социальных зарисовок. Читателю откроется мир, где самурайские идеалы сталкиваются с буржуазной реальностью, где ирония соседствует с трагедией, а за внешней простотой сюжета скрывается глубокая рефлексия о природе человеческих поступков.

Творчество Кикиути Кана – это мост между «старой» и «новой» Японией, между Востоком и Западом, между традицией и экспериментом. Его проза, сохраняя вневременную актуальность, продолжает говорить с современным читателем на языке художественной правды. Пусть читатель не удивляется, если найдет среди персонажей русских офицеров времен Первой мировой войны, участников подавления Симабарского восстания XVII века или даже самого автора.

Также в это издание вошли воспоминания Кикиути Кана об Акутагаве Рюноске и саркастическое эссе-наставление начинающим писателям.

Павел Соколов

Дело чести

Когда речь зашла о азартных играх, один мой друг рассказал такую историю.

– С самого детства меня строго-настрого предостерегали от любых, даже самых незначительных, игр на деньги. В детстве мне не позволяли прикасаться даже к тем забавам, в которые, казалось бы, играет каждый: в ту же мэнко и прочие подобные шалости.

«Азартные игры – корень гибели, даже пробовать не смей!» – эти слова отца, словно заклинание, звучали в моих ушах снова и снова. Видимо, его настойчивые увещевания постепенно взрастили во мне отвращение к любым спорам на деньги. В начальной школе, стоило ребятам начать играть в мэнко, как я, благородно отвернувшись, тут же уходил прочь.

Лишь к тринадцати-четырнадцати годам я наконец понял, почему среди всех пороков отец так выделял именно азарт.

С тех пор, как я себя помню, наша семья жила в бедности. Четверо нас – родители и двое детей – едва сводили концы с концами, обрабатывая крошечный клочок земли.

Как сейчас помню: я был тогда в первом классе высшей начальной школы, когда нам объявили о двухдневной экскурсии. Наверное, каждому известно, каким волшебным словом было «школьная поездка» для ребёнка. Услышав об этом от учителя, я вприпрыжку помчался домой. Но родители и слышать не хотели о моём участии.

Теперь-то я понимаю: пять иен на поездку были для нас неподъёмной суммой – вероятно, половиной месячного бюджета всей семьи. Но тогда я этого не осознавал и, рыдая, умолял отца с матерью разрешить мне поехать. Всё было напрасно.

Настал вечер перед отъездом. Хотя я уже сообщил учителю, что не поеду, желание отправиться с классом пылало во мне с неудержимой силой. Я вновь пристал к родителям, выпрашивая разрешения. В конце концов, устав от моих капризов, они просто легли спать, оставив меня одного с моими слезами и обидой.

Мне казалось позором явиться в школу на следующий день, когда все будут обсуждать поездку, а меня там не будет. Решив, что проплачу всю ночь, я устроился у изголовья отца и ныл без остановки.

Хотя родители накрылись одеялом с головой, мои слова явно били им прямо в сердце. Так прошёл почти час, как вдруг отец, до этого лежавший неподвижно, резко приподнялся. Он откинул одеяло и устремил на меня взгляд.

Я испугался: не перешёл ли я границу? Не обрушится ли на меня теперь его гнев? Но лицо отца выражало не злость, а печаль. Его глаза, казалось, подёрнулись влагой.

«Я бы с радостью отпустил тебя, сынок. Рад бы дать тебе всё, что есть у других. Но мы бедны, и ничего не поделаешь. Не вини меня. Если хочешь винить – вини своего деда. Наш дом, когда-то один из самых богатых в округе, опустился до этого из-за него. Твой дед проиграл всё до последней монеты в азартных играх».

Сказав это, отец, словно сбросив груз, резко отвернулся и накрылся одеялом.

Я смутно слышал, что до Реставрации Мэйдзи наша семья из поколения в поколение была старостами деревни. Но о том, что всё состояние было промотано дедом, узнал впервые. Тогда, услышав слова отца, я замолчал и, смирившись, заснул в слезах.

Позже, по мере взросления, я узнал от родителей больше о деде. Оказалось, он был приёмным сыном в нашей семье. До тридцати лет он вёл себя безупречно, но, однажды попробовав вкус азарта, погрузился в него с головой. Бросив всё, он дни и ночи проводил в доме Нагоро, главаря местных картёжников. Если где-то открывалась новая игра, дед мог отправиться за пять-десять ри, лишь бы поучаствовать.

Видимо, азарт был у него в крови. Говорят, он всегда улыбался – и когда выигрывал, и когда проигрывал. А как богатого хозяина его везде сажали на почётное место, осыпая

лестью: «Господин! Господин!». Это, должно быть, льстило ему, и он бросал в игру землю за землёй, пока не потерял почти все наши поля – почти тысячу коку.

В конце концов, у него не осталось даже денег на ставки, и он принялся выносить из дома гребни и шпильки бабушки. А потом пришлось продать и родовое гнездо.

Я слышал множество историй о безумствах деда, но большинство забыл. Однако один рассказ о его последних годах врезался в память навсегда.

Дед окончательно завязал с азартом лишь после шестидесяти. Даже лишившись состояния, он не мог остановиться и, не смея появляться в крупных играх, искал партнёров среди погонщиков и чернорабочих. Бабушка и мой отец, которому тогда было двадцать пять или шесть, умоляли его со слезами на глазах – всё бесполезно.

Но однажды бабушка, годами страдавшая от его пристрастия, на смертном одре сложила руки и сказала:

«Я смирилась с тем, что дом Кацусима, веками стоявший крепко, в твоём поколении стал нищим. Но перед смертью хочу услышать твою клятву: больше никогда не играть. Я долго мучилась из-за твоего увлечения. Не обрекай на те же страдания Сотаро и Оминэ (моих отца и мать). Исполни мою последнюю просьбу – завяжи раз и навсегда».

Видимо, её слова подействовали. Или, может, дед наконец осознал вину за разорение семьи, принявшей его. А может, возраст взял своё. Так или иначе, с той поры он словно переродился и больше не прикасался к картам.

Перевалив за шестьдесят, он, вместе с сыном, стал батраком на землях, которые когда-то принадлежали ему. Непривычный к тяжёлому труду, он, однако, не выдержал и через два года умер от простуды – словно сухая ветка, переломанная ветром.

Лишённый страсти, поглотившей всю его жизнь, дед после отказа от игр словно потускнел. Часто забывал, зачем пришёл в поле, и, остановившись, подолгу смотрел в пустоту. Возможно, в такие моменты он вспоминал, как кости когда-то принесли ему выигрыш в пятьсот, тысячу рё...

Но, как бы то ни было, после своего «исправления» он больше не играл. Если не считать одного-единственного раза – о котором я сейчас расскажу.

Это случилось месяца за три до его смерти. Как-то осенью, в один из тёплых дней, мать понесла деду чай в поле. Но там его не оказалось. Думая, что он греется на солнышке у стога, она направилась туда – и вдруг услышала его голос:

«На этот раз я выиграл!» – громко смеялся дед.

У матери ёкнуло сердце. «Неужели старые собутыльники нашли его и втянули в игру?» – подумала она. Перед глазами встали картины его прежней жизни, и её охватил ужас. «Кто же мог его уговорить после всех этих лет?» – крадучись, она подошла ближе.

В тени стога, греясь на солнце, сидели дед и его пятилетний внук. Они по очереди вытаскивали соломинки из стога и сравнивали их длину. На этот раз соломинка деда оказалась на *сун* длиннее.

«И снова я выиграл! Ха-ха-ха!» – ещё громче рассмеялся старик.

Мать рассказывала, что в тот момент вся её обида за годы страданий исчезла, уступив место нежности к этому старику.

Нет нужды говорить, что тем внуком, сыгравшим с дедом в его последнюю игру, был я.

Судья Вакасуги

Судья Вакасуги Кодзо, председатель уголовного отделения окружного суда ХХХ, в молодости был весьма набожным христианином.

Но, как часто бывает с юношами-христианами, стоило ему выйти в общество – и он словно забыл о своей вере. Где он оставил её – в тетрадах университетских лет или на скамье в канцелярии того захолустного суда, где его безжалостно эксплуатировали во время стажировки, – неизвестно.

Теперь Вакасуги уже точно не был христианином. Никто бы не догадался, что этот суровый служитель Фемиды в чёрной мантии когда-то пылал религиозным рвением. Однако, подобно тому как у немецких студентов шрамы от дуэлей юности остаются на лице даже после превращения в робких чиновников, в душе судьи Вакасуги тоже сохранились следы былой веры.

Проявлялось это в одном: он испытывал глубокую жалость к преступникам. Особенно если видел в них хотя бы тень раскаяния. В таких случаях его приговоры были настолько мягкими, что повергали прокуроров в изумление. Разумеется, те немедленно подавали апелляцию. Иногда её отклоняли, но чаще первоначальный приговор отменяли, заменяя его более суровым.

Для судьи отмена решения – всегда удар по репутации. Тем не менее, Вакасуги неизменно склонялся к снисхождению. Обвиняемые, узнав, что их дело попадёт к нему, радовались, как дети.

Конечно, если речь шла о вопиющих злодеях, общество негодовало при виде мягкого наказания. Но в случаях, где подсудимый вызывал хоть каплю сочувствия, люди, напротив, испытывали удовлетворение, видя его избавленным от чрезмерной кары. А уж родственники и вовсе ликовали. Неудивительно, что со временем Вакасуги приобрёл славу «гуманного судьи».

Его взгляд на преступление разительно отличался от общепринятого. По натуре он вовсе не был создан для судейской должности. Его чувствительность плохо сочеталась с мрачной строгостью зала суда. Изначально он и не планировал изучать право. В токийском лицее он выбрал гуманитарное направление, увлёкся философией и мечтал стать учителем – не просто преподавателем, а наставником, способным формировать души.

Почему же он перешёл на юридический? Причины две.

Первая – его кумир, однокурсник Морита, неожиданно бросил гуманитарные науки и подался в правоведение. Говорили, что старший брат убедил его: «С гуманитариями прокормиться невозможно. Переходи на юрфак». Видя, как блестящий Морита, чьи успехи и финансы превосходили его собственные, беспокоится о хлебе насущном, Вакасуги задумался.

Вторая причина – случай, потрясший его в студенческие годы.

Однажды вечером, поднимаясь по улице в районе Дзиннан, он увидел у молочной лавки толпу. Из дверей вывели джентельмена со связанными руками, за которым шёл грубого вида рабочий. Затем – ещё пары: «простолудин, ведущий под уздцы господина». Позже он понял, что это был налёт на игорный притон, но тогда зрелище казалось диким.

К нему подошёл другой юноша – тоже любопытствующий. Когда поток арестованных иссяк, последний полицейский, оставшийся без «добычи», грубо толкнул парня:

– Прочь! Чё уставился?

Тот возмутился:

– Ты чего?! – и попытался дать сдачи.

– Сопротивляешься? Тогда марш в участок!

Полицейский скрутил ему руки. Видимо, ему не хотелось возвращаться с пустыми руками, и он решил «взять хоть кого-нибудь» по обвинению в «препятствовании правосудию». Оттащив юношу на несколько шагов, он принялся бить его по лицу – хлопки были слышны издалека.

В те времена (десять лет назад) полицейский произвол был обычным делом. Но для впечатлительного Вакасуги это стало ударом. Насилие над личностью, попрание прав – всё, против чего восставала его любовь к справедливости. Он содрогнулся, осознав, как государственная власть может быть обращена против невинных.

Вернувшись в общежитие, он не мог успокоиться. Лёжа в постели, он размышлял об увиденном – и тогда впервые подумал: «А что, если изучать право и стать защитником для таких жертв?».

Это и стало глубинной причиной его выбора. Хотя непосредственным толчком был пример Мориты. Тогда, в отличие от нынешних времён, перевестись на юрфак было проще.

Однако, готовясь стать адвокатом, Вакасуги разочаровался: защита казалась ему слишком меркантильным ремеслом. На последнем курсе он резко изменил планы и подался в судьи.

С таким бэкграундом Вакасуги неизбежно отличался от коллег глубиной и гуманизмом. Он не считал преступников «другим видом существ» и, будучи христианином в душе, искал в их поступках человеческие мотивы.

Его судейскую философию можно выразить так: «Кровь в жилах преступника и в моих – не так уж различна».

Но главным был другой принцип: «Лучше оправдать десять виновных, чем осудить одного невинного».

Эта мысль жила в нём всегда.

Если выразиться иначе, исключительная снисходительность приговоров судьи Вакасуги была естественным следствием его гуманистического мировоззрения. Его глубокое сочувствие к преступникам, казалось, постепенно передалось и прокурорам – те стали значительно реже подавать апелляции, чем вначале.

Впрочем, временами раздавались и упрёки в адрес Вакасуги – мол, его приговоры чрезмерно мягки. Но даже самые строгие критики, познакомившись с непоколебимыми убеждениями, глубоко укоренившимися в характере судьи, незаметно для себя оставляли эти претензии.

Примеров его поистине человеческих, проникнутых состраданием решений – не счесть. Одним из самых известных стало дело о младшем брате, убившем старшего. Тот, беспутный гуляка, не раз вымогавший у отца деньги, в очередной раз получив отказ, в ярости набросился на старика с дубинкой. Находившийся рядом брат, не вынеся этого зрелища, вырвал оружие и одним ударом лишил его жизни. Обычный судья, даже испытывая сочувствие к подсудимому, учитывая квалификацию «убийство родственника», назначил бы не менее четырёх-пяти лет реального заключения. Но судья Вакасуги, осудив преступление и назначив пять лет каторги, не забыл добавить и милость отсрочки исполнения приговора. За этого подсудимого ходатайствовала вся деревня – петицию подписали сто пятьдесят человек во главе со старостой. Сам осуждённый и его односельчане ликовали.

Подобных случаев можно вспомнить множество. Для судьи Вакасуги применение «слёз закона» – института отсрочки – было способом внести нотку человечности в механическое отправление правосудия. И, должно быть, это доставляло ему как судье искреннее удовлетворение.

Таким образом, в городе XXX с населением свыше пятидесяти тысяч судья Вакасуги снискал себе громкую славу выдающегося правоведа.

И вот, когда его репутация достигла вершины, произошло событие, о котором пойдёт речь далее. Наверняка многие читали в местных газетах о так называемых «гимназистах-вымогателях» – случаях, нередких в регионе Кансай. Общественные деятели винят в этом пагубное

влияние кинематографа. И вот подобный инцидент случился в ХХХ, вызвав немалый переполох. Особенно поражало, что преступником оказался ученик престижной префектуральной гимназии с образцовой дисциплиной, более того – староста класса, да к тому же белокожий красавец-подросток.

Метод преступления был шаблонным: юноша отправил богатой семье на окраине города письмо с угрозами: «В ночь такого-то числа оставьте двести иен в газетном свёртке у больших ворот храма Хатиман. В случае невыполнения ваш дом будет взорван». Семья сочла это злой шуткой и проигнорировала угрозы. Каково же было их изумление, когда в канун указанного дня у ворот раздался оглушительный взрыв! Впрочем, газеты, видимо, приукрасили события – сам преступник признался, что бросил всего три петарды, так что шума было не так уж много. Однако для уже напуганных угрозами обитателей дома и этого хватило, чтобы побледнеть от ужаса. Опасаясь худшего, они немедленно обратились в полицию, подробно изложив все обстоятельства с момента получения письма.

Полиция, давно не имевшая серьёзных дел и изнывавшая от безделья, воспрянула духом. В назначенную ночь начальник участка, инспектор и шесть детективов, переодетые в гражданскую одежду, окружили храмовую рошу. Двух наиболее крепких – одного, обладателя первого дана по дзюдо, другого, третьего кю по кэндо, – выбрали для засады у самых ворот, где они и спрятались. На землю положили газетный свёрток, весьма похожий на обещанный.

Ночь выдалась лунная, и сыщики в романтическом настроении ожили, поджидая вымогателей. Когда им уже начало надоедать, по храмовой дороге, поднимающейся в гору, стремительно поднялся человек в плаще. Полицейские затаили дыхание, готовые в любой момент броситься вперёд при малейшем подозрительном движении. Незнакомец, дойдя до ворот, остановился, огляделся и при лунном свете явственно разглядел свёрток. Тут дзюдоист, подобно льву, бросающемуся на добычу, молниеносно напал. Ожидая ожесточённого сопротивления, он был поражён, ощутив в своих сильных руках хрупкое, почти женское тело. По свистку кэндиста собрались остальные пятеро, и при виде подростка все переглянулись в изумлении.

Тем не менее, этот тщедушный юноша и был тем самым злоумышленником, пытавшимся вымогать деньги.

Разумеется, при громком общественном резонансе дело было передано в суд. Будучи несовершеннолетним и совершившим незначительное правонарушение, он мог бы избежать судебного преследования, но факт использования петард сыграл против него.

Однако даже после признания вины на предварительном слушании сторонники подростка не слишком расстроились. Все были уверены: раз дело дошло до суда, а председательствует Вакасуги, реального срока можно не бояться.

На первом заседании судья Вакасуги с явным сочувствием проводил допрос. Подсудимый без тени смущения излагал обстоятельства преступления, и его бесхитрость временами вызывала у судьи снисходительную улыбку. По сути, этот мальчик, увлечённый приключенческими историями, неосознанно ввязался в авантюру – его романтические порывы просто свернули не туда. Судья Вакасуги прекрасно понимал психологию молодого человека, потому, когда прокурор начал свою суровую речь, демонстрируя полное непонимание мотивов обвиняемого, он внутренне не мог с ним согласиться.

Ещё до страстной речи адвоката судья, кажется, уже решил назначить условное наказание. Защитник говорил почти два часа, основная мысль его выступления сводилась к тому, что в данном преступлении виноват не сам подросток, а общество – точнее, система образования и кинематограф.

Впрочем, глядя на этого бледного, смиренно сидящего на скамье подсудимых миловидного круглолицего мальчика, любой бы проникся состраданием. Создавалось впечатление, что полиция раздула обычную детскую шалость до громкого дела о вымогательстве.

Слушая адвоката, судья Вакасуги вспоминал собственное детство. Яркое встало в памяти ночная вылазка в яблоневый сад соседней деревни, куда он отправился с друзьями-сорванцами. Какое же это было захватывающее, романтическое приключение! Хотя, с юридической точки зрения, это был самый настоящий грабёж. Но разве справедливо считать преступлением все эти безобидные мальчишеские выходки, столь свойственные юному возрасту? Сердце судьи переполнялось сочувствием к подсудимому. Несомненно, тот факт, что подросток был старостой класса и отличником, также сыграл свою роль.

Заседание закрыли, назначив оглашение приговора на следующий понедельник.

Газеты на следующий день, описывая судебное заседание, уверенно предсказывали, что подсудимый получит условный срок. Родные и близкие подростка также не сомневались в этом.

Однако в пятницу вечером, за три дня до вынесения приговора, с самим судьёй Вакасуги произошло неожиданное происшествие.

Дело было в марте. Жена судьи, только что родившая, ещё не оправилась от пережитого. Хотя это были уже третий её ребенок, каждый раз процесс деторождения давался тяжело, и её послеродовая слабость вызывала сострадание у окружающих. Поэтому в тот вечер трёх обычно шумных мальчишек уложили спать пораньше. Сам Вакасуги, тихо переговариваясь с лежащей женою, засиделся в кабинете за книгами до полуночи, после чего служанка постелила ему футон в той же комнате. Он окликнул жену, но та, видимо, уже спала и не ответила.

Прошло несколько часов. Внезапно судья проснулся от стука, доносившегося из гостиной – той стороны дома, где не было спальни жены. Поначалу он решил, что это мыши возятся на полках, и закрыл глаза, но шум не прекращался.

«Странно, мыши обычно не шумят в гостиной», – подумал он и вдруг понял причину: на полках были сложены коробки со сладостями и корзины с фруктами – подарки жене по случаю родов.

Судья хотел криком прогнать грызунов, но, вспомнив о спящей жене, тихо выбрался из-под одеяла, накинул приготовленное у изголовья кимоно и включил свет. Крадучись, чтобы не разбудить жену, он подошёл к двери в гостиную и раздвинул её. Свет из кабинета упал лишь на середину комнаты.

Не подозревая ничего плохого, судья шагнул вперёд – и в тот же миг ощутил неладное в тёмном углу, где стоял комод.

«Человек! Вор!»

Судья остолбенел, словно поражённый током.

Из темноты перед ним внезапно возникла мощная фигура мужчины. За свою карьеру Вакасуги повидал немало воров, грабителей и убийц – робких, подобострастных, съжившихся на скамье подсудимых. Но этот ночной гость был иного склада. Застигнутый врасплох, он демонстрировал явную готовность дать отпор. Здесь не было отношений «судья – подсудимый» – только голая конфронтация двух мужчин.

Прошла секунда, другая, третья... Грабитель не двигался. Не двигался и судья.

Вакасуги испытывал неопишное чувство угнетения, будто всё его тело сдавили тисками. Тем не менее, его разум лихорадочно искал выход.

С одной стороны, и мужская гордость, и судейское достоинство требовали обезвредить вора. Но стоило ли ввязываться в схватку, рискуя напугать лежащую в слабости жену? А если проснутся трое маленьких сыновей в соседней комнате?

Рука судьи не поднялась.

Он даже подумал: «А что, если просто дать ему денег, чтобы ушёл с миром?» Но это было бы недостойно судьи.

Тогда в голове мелькнуло: «Пусть уходит».

Чтобы избежать внезапного нападения, судья отступил на пару шагов и изо всех сил крикнул: «А-а-а!»

Результат оказался неожиданным.

Ещё не смолк его крик, как из соседней комнаты раздался душераздирающий вопль жены, испуганной голосом мужа. В тот же миг из дальней комнаты послышался плач троих перепуганных детей.

Ошеломлённый этим хором, вор мгновенно исчез. Ничего, конечно, он не успел украсть.

Но для ослабленной родами женщины такое потрясение не прошло даром – у неё поднялась высокая температура. На следующий день жар достиг почти сорока градусов. К тому же её нервы, и без того напряжённые, стали болезненно реагировать на малейший шорох. Лечащий врач начал опасаться за её жизнь.

Да и трое детей с той ночи стали пугливыми, вздрагивая от каждого звука.

Сам судья Вакасуги тоже долго не мог отделаться от гнетущего чувства, оставшегося после той минуты тягостного противостояния.

Ярко вспоминая пережитый ужас, он размышлял:

«Четырнадцать-пятнадцать лет, с момента окончания университета, я только и делал, что размышлял о преступлениях. Моей обязанностью было назначать за них наказания. Но действительно ли я правильно понимал суть преступления? Не рассматривал ли я его слишком абстрактно? Не смотрел ли на него исключительно с позиции преступника? Привыкнув к робким, подобострастным подсудимым, не забыл ли я о том ужасе, который они причиняют своим жертвам?»

Эти мысли поколебали самые основы его судейских убеждений.

Тот, кто напал на него, формально был всего лишь вором, не доведшим дело до конца. Но если оценить реальный вред, причинённый семье... Жена, заболевшая от потрясения, могла бы и умереть – и тогда, независимо от юридических тонкостей, грабитель стал бы её убийцей. А душевная травма, нанесённая троим детям, – разве можно измерить её деньгами? Да и его собственные переживания, хоть и нематериальные, были не менее разрушительны.

Впервые в жизни судья Вакасуги на собственной шкуре ощутил последствия преступления.

Это перевернуло всё его мировоззрение. Наутро после происшествия он впервые в жизни почувствовал жгучую ненависть к преступникам вообще.

Правда, его смущало, что эта перемена вызвана сугубо личными мотивами. Но изменились не только его чувства – трансформировалось и мышление, подкрепляя новые эмоции.

В понедельник утром, как и планировалось, был оглашён приговор гимназисту. Родные, уверенные, что даже если не оправдают, то уж точно дадут условный срок, слушали со спокойной надеждой.

Но в этот день судья Вакасуги выглядел бледным, и голос его звучал не так уверенно, как обычно.

«Приговорить подсудимого к одному году тюремного заключения», – произнёс он и замолчал.

Зал замер в ожидании обещанной отсрочки, но её не последовало.

На лицах подсудимого и его близких отразилось глубокое разочарование.

Судья Вакасуги, словно не замечая этого, закончил зачитывать мотивировочную часть и, распахнув дверь, быстро вышел.

Маска

Внешне я казался полным и крепким, и окружающие считали меня человеком исключительно здоровым. Но я-то лучше всех знал, что все мои внутренние органы были куда слабее, чем у обычного человека.

Даже поднимаясь по небольшому склону, я начинал задыхаться. То же самое происходило и с лестницами. Когда я работал репортёром, мне часто приходилось взбегать по ступенькам огромных правительственных зданий, и, добираясь до нужного кабинета, я оказывался настолько запыхавшимся, что не мог сразу начать разговор.

С лёгкими тоже были проблемы. Когда я пытался сделать глубокий вдох, на определённом этапе грудь вдруг сжималась, и дальше вдохнуть становилось невозможно.

К слабым сердцу и лёгким в прошлом году добавились проблемы с желудком и кишечником. Ни один внутренний орган не работал как следует. И при этом внешне я выглядел вполне упитанным. Неискушённому взгляду я казался здоровяком. Хотя я прекрасно осознавал свою слабость, когда кто-то говорил: «Ты выглядишь таким крепким!» – в моей душе рождалась странная, обманчивая уверенность. Точно так же некрасивая женщина, окружённая комплиментами, начинает думать: «А может, я и вправду не так уж плоха?».

Я был слаб, но ложная уверенность в своём здоровье, основанная лишь на внешнем виде, хоть как-то поддерживала меня.

Однако в конце прошлого года, когда у меня случилось серьёзное расстройство желудка и я обратился к врачу, тот нанёс мне сокрушительный удар.

Врач, проверяя мой пульс, нахмурился:

– Странно, пульс почти не прощупывается. Такого быть не должно.

В его удивлении не было ничего удивительного. Мой пульс уже давно стал едва заметным. Если приложить палец к запястью и долго ждать, можно уловить лишь слабый намёк на биение.

Врач молча держал руку на моём запястье целую минуту, затем сказал с серьёзным видом:

– Пульс есть, но он невероятно слаб. Вам раньше говорили что-нибудь о состоянии сердца?

– Нет. Хотя я и не обследовался последние пару лет.

Врач молча приложил стетоскоп к моей груди. Мне стало не по себе, словно он пытался вынюхать скрытую там тайну моей жизни.

Он несколько раз переставлял стетоскоп, тщательно исследуя всю область вокруг сердца.

– Без обследования во время приступа тахикардии точный диагноз поставить сложно, но, похоже, у вас недостаточность сердечного клапана.

– Это болезнь? – спросил я.

– Да. Сердце повреждено, и восстановить его уже невозможно. Операции здесь не помогут.

– Это... смертельно? – Задал я вопрос с опаской.

– Нет. Раз вы до сих пор живы, значит, при бережном отношении всё будет в порядке. Однако ваше сердце несколько смещено вправо. Вам нельзя полнеть. Ожирение сердца может привести к мгновенной остановке.

Ни одно из слов врача не было утешительным. Я знал, что моё сердце не в порядке, но не подозревал, что всё настолько серьёзно.

– Вам нужно быть осторожным. Никакого бега – например, во время пожара. Недавно в Мотомати один мужчина умер от остановки сердца на мосту Суидо. Меня вызвали осмотреть его. У него было слабое сердце, а он пробежал почти километр. Вам тоже нельзя перенапрягаться – иначе можете умереть в любой момент. Никаких драк и волнений. Опасны и горячка,

и инфекции. Если вы заболите тифом или гриппом, и температура продержится на отметке 40 градусов несколько дней – вам конец.

Этот врач не стал смягчать диагноз. Хотелось, чтобы он хоть немного приукрасил правду, но его откровенность оставила во мне гнетущее чувство.

– Есть какие-то меры профилактики? – спросил я в последней надежде.

– Нет. Просто избегайте жирной пищи. Меньше мяса и жирной рыбы. Ешьте больше овощей.

«Вот тебе раз», – подумал я. Еда была для меня главным удовольствием, и такие ограничения казались смертным приговором.

С того дня я стал ощущать, что моя жизнь находится под постоянной угрозой. Особенно когда вскоре началась сильная эпидемия гриппа. По словам врача, грипп означал для меня верную смерть. К тому же в газетах то и дело появлялись заметки о том, что исход болезни во многом зависит от силы сердца.

Я панически боялся заразиться. Решил принять все возможные меры предосторожности. Пусть меня назовут трусом – смерть мне была не нужна.

Я почти перестал выходить из дома. Жена и служанка тоже старались не покидать дом без необходимости. Утром и вечером я полоскал горло перекисью водорода. Если приходилось выходить, я надевал маску с толстым слоем марли и тщательно полоскал горло перед выходом и по возвращении.

Я принял все меры. Но гостей было не избежать. Когда ко мне приходил кто-то, только что оправившийся от простуды, но всё ещё кашляющий, моё настроение портилось. Однажды друг, с которым я беседовал, внезапно почувствовал жар, и я проводил его домой. Через пару дней мне сообщили, что у него поднялась температура до сорока. Я несколько дней не мог прийти в себя.

Я следил за сводками смертности в газетах, радуясь снижению числа жертв и огорчаясь его росту. Когда цифра достигла 3337 – пика эпидемии – и начала медленно снижаться, я вздохнул с облегчением. Но продолжал быть настороже. Почти весь февраль я не выходил из дома. Друзья, да и жена, смеялись над моей трусостью. Я и сам подозревал у себя ипохондрию. Но страх перед гриппом был слишком реален.

С наступлением марта холода отступили, а с ними и угроза гриппа. Почти все перестали носить маски. Но я не снимал свою.

– Бояться болезни и избегать заражения – не трусость, а признак цивилизованного человека. Глупо рисковать здоровьем, чтобы доказать свою храбрость. Пусть все уже сняли маски – я ношу свою не из страха, а потому, что я человек современный.

Так я оправдывался перед друзьями. И отчасти верил в это сам.

Я продолжал носить маску до конца марта. В газетах писали, что эпидемия гриппа покинула города и переместилась в глухие горные районы. Но я всё ещё не расставался с маской. Почти никто её уже не носил. Лишь изредка на трамвайных остановках мне попадался человек с куском чёрной ткани на лице. Это придавало мне уверенности. Казалось, мы с ним – товарищи, единомышленники. Каждая такая встреча избавляла меня от неловкости за свою «особенность». Я даже начал гордиться: я – настоящий гигиенист, цивилизованный человек, ценящий свою жизнь превыше всего.

Наступили апрель и май. Даже я, наконец, снял маску. Но как раз в конце апреля – начале мая в некоторых газетах появились сообщения о новой вспышке гриппа. Меня это разозлило. Неужели даже в апреле и мае нельзя избавиться от этой угрозы?

Однако я уже не хотел снова надевать маску. Днём светило по-летнему тёплое солнце. Никаких оправданий для ношения маски не оставалось. Хотя газетные статьи тревожили меня, погода придавала смелости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.